

4. Смирнова, В. В. Правовые основы применения концессионной модели в транспортной сфере / В. В. Смирнова, С. А. Правкин // Транспортное право и безопасность. — 2022. — № 2(42). — С. 69—76.
5. Касаткина А. А. Иностранные инвестиции и способы их привлечения в национальную экономику // КонсультантПлюс.
6. Холодкова, Ю. С. Понятие и правовая природа концессионных соглашений // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 405.
7. Правкин, С. А. Правовые основы реализации проектов по инвестированию в железнодорожную структуру / С. А. Правкин, В. В. Смирнова // Транспортное право и безопасность. — 2019. — № 4(32). — С. 134—139.

Протас Елена Васильевна,

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Тарасенко Юрий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

**Теоретико-правовые проблемы недействительности
смарт-контракта**

Аннотация. Появление новых явлений в общественной жизни отражается и на правовой сфере. Перед правом встают задачи по осмыслению и последующей адаптации новых институтов в правовую систему. В настоящее время одним из таких наиболее заметных явлений выступает смарт-контракт. В самом общем виде смарт-контракт представляет собой возможность заключения и исполнения договора посредством взаимодействия совокупности компьютерных терминалов, каждый из которых содержит определенную часть кода, в котором отражаются условия договора, изменение которого невозможно одной

из сторон без согласования со всеми терминалами системы. В связи с тем, что условия договора отображаются в виде программного кода, возникает вопрос о допустимости применения к ним возможностей правового регулирования в части признания недействительными таких условий.

Ключевые слова: смарт-контракт; сделка; недействительность сделки; порок воли; условия договора; договорное право.

Elena V. Protas,

doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Law, Professor
of the Department «Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure»
of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT)

Yuri A. Tarasenko,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of «Theory of Law,
Civil Law and Civil Procedure» of the Law Institute
of the Russian University of Transport (MIIT)

Theoretical and legal problems of invalidity of a smart contract

Abstract. The emergence of new phenomena in public life is reflected in the legal sphere. The law faces the challenges of understanding and subsequent adaptation of new institutions into the legal system. Currently, one of the most notable phenomena is the smart contract. In its most general form, a smart contract is an opportunity to conclude and execute a contract through the interaction of a set of computer terminals, each of which contains a certain part of the code that reflects the terms of the contract, which cannot be changed by one of the parties without agreement with all terminals of the system. Due to the fact that the terms of the contract are displayed in the form of a program code, the question arises about the permissibility of applying the possibilities of legal regulation to them, in terms of invalidating such conditions.

Keywords: smart contract; transaction; invalidity of transactions; vice of will; contract terms; contract law.

Смарт-контракты — новое явление современной действительности. В общем виде суть последнего в том, что информация об услови-

ях контракта зашифрована определенным протоколом и хранится на разных компьютерах, объединенных в единую сеть и связанную с единым сервером. Технология хранения и обмена данными в процессе заключения и исполнения таких контрактов получила наименование блокчейн (*blockchain*).

Закономерен вопрос — находится ли в правовом поле это явление?

В связи с тем что смарт-контракты активно используются при совершении сделок, логично проанализировать, насколько технология блокчейн способна быть применима к категории «сделка» (договор).

Анализ известной отечественной литературы по данному вопросу показывает, что подавляющее большинство работ касается технических аспектов. Правовая проблематика затрагивается в небольшом количестве публикаций [1, стр. 122].

Поскольку смарт-контракты фактически существуют, а правового регулирования нет, возникает ряд проблем, одной из которых является рассмотрение возможности применения последствий недействительности сделок к таким контрактам.

Если рассматривать смарт-контракт в качестве сделки, то неизбежно следует прийти к выводу, что к таким сделкам надлежит применять все институты, регулирующие сделки (в том числе и связанные с ее недействительностью). Надо отметить, что до настоящего времени среди специалистов-юристов так и не сложилось какого-либо консенсуса о применимости к смарт-контрактам единых положений о сделках [2].

Теория гражданского права, говоря о недействительности сделок [3], выделяет четыре основания, без которых сделка может быть признана не имеющей юридической силы:

- а) законность ее содержания;
- б) совершение сделкоспособными субъектами;
- в) соответствие воли и волеизъявления субъектов сделки;
- г) соблюдение формы сделки.

В юридической литературе появились работы, в которых стали анализироваться указанные выше основания. В частности, было отмечено, что если распространять на смарт-контракты правовые последствия недействительности сделок, то существует риск заключения сделок в отношении объектов, ограниченных в обороте, и сделок с недееспособными лицами [4, стр. 365].

В настоящей статье попытаемся взглянуть на проблему недействительности смарт-контрактов с точки зрения соответствия воли лица, заключающего смарт-контракт, его волеизъявлению, а также проблеме толкования условий такого контракта.

Смарт-контракт невозможно записать в привычной нам форме — его содержанием являются математические и программные алгоритмы. Этот язык доступен только специалистам по программному обеспечению, но никак не правоведам. Отсюда следует вопрос — как установить правильность восприятия сторонами тех или иных условий договора, выраженных на языке алгоритма сторонами контракта?

В научной литературе предлагается параллельное использование записи алгоритмов и обычной текстовой формы условий традиционного договора [5 стр. 152].

Такое решение возможно. Но оно потребует наличия каждый раз, когда возникает вопрос о том или ином условии (его предмете, содержании и т.п., наряду с юристом, специалиста по программированию. То же можно сказать и про судебный процесс — суд должен иметь в штате своего эксперта (для быстроты рассмотрения). Возможно, конечно, использовать институт экспертизы, приглашая независимого специалиста, но это серьезно скажется на времени рассмотрения таких споров.

Отдельного осмысления требует вопрос о содержании самого программного кода. В отличие от договора, содержанием которого будут условия с соответствующими правами и обязанностями сторон, программный код, описывающий условия контракта, подразделяется на часть, отвечающую за собственно юридические условия, и на часть техническую, поддерживающую работу самого алгоритма. Ошибка может заключаться как в технических, так и в «юридических» частях кода. Это способно повлиять на правильную работу всего алгоритма. Разобраться в том, какая часть дает ошибку (техническая или юридическая) и к какому результату это приводит в конечном счете, способен только технический специалист.

Насколько программный код способен адекватно отобразить условия договора? Возможно существование нескольких вариантов такого кода? Если да, то как это повлияет на толкование самого договора? Иными словами, если алгоритм описывает содержание какого-либо условия договора, в отношении которого у сторон возникает разное

понимание его действия, приводит ли подобное к признанию недействительности самого алгоритма? Такой вопрос приводит к расширенному пониманию соотношения части кода и условий договора. Являются ли условия договора тождественными самому коду? Если да, то толкованию будут подвергаться не столько условия договора, сколько лежащий в его основе код. Для этого необходим специалист по программному обеспечению.

Является ли код всего лишь отражением условий договора? Иными словами, что первично — код или условия договора? Если исходить из того, что сначала стороны создают условия договора, которые затем описываются на машинном языке, то при таком подходе первичным будут условия договора.

В том случае, если машинный код способен отразить условия только в каком-либо заданном (изначальном) варианте, то скорее всего, код будет первичным, поскольку условия могут быть выражены различным образом, а код только одним. В свою очередь, это означает, что условие, выраженное на языке кода, будет общим для всех в части его понимания. То есть в этом случае снимается вопрос толкования. При этом обратим внимание на следующий момент: насколько код способен отразить всю полноту того или иного условия договора? Вероятно, этот вопрос следует адресовать соответствующим специалистам по машинному языку.

Представляется, что программный код необходимо правильно перевести на язык юридического документа. На этом этапе больше всего возможно расхождение в вопросах толкования. Если код описывает то или иное условие, но последнее в договоре выражено не совсем точно (или слишком широко или наоборот — слишком узко). Такое неточное выражение условия в договоре способно породить заблуждение какой-либо стороны. В результате получается следующая ситуация: условие машинного кода не соответствует содержанию юридического условия, выраженного в договоре.

В конечном счете, мы приходим к вопросу, можно ли признать часть кода недействительным? Основанием такого признания будет являться порок воли лица, т.е. когда сделка совершается под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ).

Литература

1. Трунцевский, Ю. В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 1.
2. Мамаева, Н. В. Смарт-контракты // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 4 (27).
3. Тузов, Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. — Москва : Статут, 2007.
4. Шайдуллина, В. К. Проблемы правового регулирования использования смарт-контрактов // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Том 8. — № 1 (26).
5. Селезнева, П. Ю. Проблемы разрешения споров по договорам с использованием смарт-контрактов / П. Ю. Селезнева, А. В. Лошкарев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 4-5 (44).

Рудакова Елена Николаевна,

доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой
«Таможенное право и организация таможенного дела» Юридического
института Российского университета транспорта (МИИТ)

Волков Владимир Федорович,

кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры «Таможенное право
и организация таможенного дела» Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)

Направления административно-правового обеспечения таможенных органов в области транспортно-логистической деятельности

Аннотация. В статье раскрыты основные направления административно-правового обеспечения транспортно-логистической деятельности таможенных органов Российской Федерации, основные общесистемные проблемы развития экспорта транспортных услуг в Российской Федерации, основные нормативные акты, регулирующие внешнеэкономическую деятельность.